

Глава 19

ДВЕ МОДЕЛИ

При ясном и внимательном рассмотрении ни одно общество не выглядит идеально. В СССР широко распространены грубейшие преступления против человека: цензура и ограничение интеллектуальной свободы, фальсифицированные судебные процессы по сфабрикованным обвинениям, постоянное нагнетание страха, лишаящее гражданского достоинства любого, кто мог бы в иных условиях думать и решать за себя самостоятельно; полусекретный мир особых привилегий для элиты в претендующей на эгалитарность системе, которая не может обеспечить народные массы даже нормальной медицинской помощью; массовый алкоголизм в сочетании с широко распространенным хулиганством. Список можно продолжать.

В Соединенных Штатах — хотя я не претендую на беспристрастность — огромное богатство все еще держит часть населения в деморализующей системе государственного соцобеспечения. Улицы и дома перестают быть безопасными. Дорогостоящая законодательная система открыта для богатей, недоступна для бедняков в вопросах гражданского права и враждебна к беднякам в вопросах уголовного права. Заводы, автомобили и равнодушные граждане разрушают окружающую среду самыми разнообразными способами. Многие из бизнес-лидеров этой системы — среди них не только группка безответственных менеджеров, но и руководители ведущих корпораций — занимаются взяточничеством и подкупом правительственных чиновников. Нарушение закона о взносах на проведение избирательных кампаний и увеличение доходов путем незаконного списания средств для них — привычная практика. Они искажают данные о своей продукции и используют различные способы для обмана потребителей — как отдельных покупателей и потребителей услуг, так и корпоративных и правительственных клиентов, ответственных за стратегически важные объекты — такие, как трубопровод на Аляске или исследования космического пространства. И этот список можно продолжить.

Однако известно, что у обоих этих обществ есть и другая сторона, и нам нужно в ней разобраться. Рыночные полиархические общества — это не только неравенство и эксплуатация. И далеко не все коммунистические общества являются традиционными тираниями или эксплуататорскими олигархиями. Какими бы тираниами не становились многие коммунистические лидеры с приходом к власти, в своих более ранних устремлениях они душой и разумом стремились преобразовать общества ради блага широких масс. И добившиеся успеха коммунисты-революционеры на вершине своей власти не всегда предавали свои ранние революционные устремления. Коммунистические системы в глазах либеральных демокра-

тов выглядят своеобразно — с их причудливой смесью элитарных, тиранических, прогрессивных, эгалитарных и реформистских черт.

В данной главе мы используем особый подход для того, чтобы разобраться в коммунистических системах. Мы будем рассматривать их как незавершенную аппроксимацию одного или двух крайне сложных представлений о гуманном обществе, двух взглядов на то, как общество должно быть организовано, чтобы приносить пользу «народу». Полиархии с рыночной экономикой являются незавершенными аппроксимациями другой концепции. Эти две концепции, или модели, выделяют ряд важнейших характеристик коммунизма и либеральной демократии, игнорируя другие, менее важные, а также опуская несоответствия в коммунистическом и либерально-демократическом мышлении. Они улавливают самую суть каждой из двух форм организации общества в несколько упрощенном и преувеличенном виде. Но не нужно путать модель и реальное общество¹.

Ключевое различие между двумя данными концепциями — не то, которое изначально можно было ожидать или рассматривать как базовое, — заключается в роли интеллектуального компонента в организации общества. Модель-1 можно назвать моделью интеллектуально управляемого общества. В ее основе лежит жизнеутверждающая, оптимистичная вера в интеллектуальные способности человека. Модель-2 на основе более пессимистичных оценок интеллектуальных способностей человека выстраивает другие формы управления обществом*.

То, как общества соотносят ценности и определяют выбор при различных формах политико-экономической организации, — это вопрос, который мы исследовали при анализе проблем выбора в иерархических и рыночных системах и затем вновь при анализе формирования волеизъявлений в полиархических структурах. В этом месте книги мы подошли к «водоразделу»: с одной стороны — самоуверенное мнение о человеке, применяющем свой выдающийся интеллект в организации общества; с другой — весьма скептическое мнение о его способностях**.

* В некоторых отношениях различие между этими двумя концепциями или моделями связано с различием, которое проводит Дж. Л. Талмон между тем, что он рассматривает как две модели демократии, отличающиеся в главном — в «различных отношениях к политике» и концепциях свободы. В то время как его модели построены на этих двух отличиях, мои строятся на различиях концепций в том, как общества представляют и организуют процесс решения проблем (J.L. Talmon. «The Origin of Totalitarian Democracy» (New York: Praeger, 1960). Модель-1 также по некоторым пунктам сходна с «обществом солидарности» Гроссмана (Gregory Grossman. «The Solidarity Society», in «Essays in Socialism and Planning in Honor of Carl Landauer», ed. Gregory Grossman [Engelwood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1970]).

** Я отхожу, признаюсь, от давнишней традиции, которая делает свободу основным различием между коммунизмом и полиархиями с рыночной экономикой. Хотя свобода действительно может быть ключевым понятием в оценке обоих, наша задача сейчас заключается не в оценке, а в разъяснении базовых механизмов (без которых, нужно добавить, никому не удастся приступить и к оценке). Более того, коммунисты, как правило, заявляют, что только интеллектуально компетентная элита может повести общество к свободе. Из-за одного этого заявления необходимо начать исследования того, как эти два различных типа систем относятся к интеллекту в отношении его применения к задачам организации общества.

Эффективность анализа в организации общества

Позвольте нам определить главные элементы двух противоположных друг другу совокупностей концепций и представлений о силе и действенности интеллекта, мысли или анализа в отношении задач социальной организации — модели-1 и модели-2.

Интеллектуальная компетентность

Модель интеллектуально управляемого общества — модель-1 — принимает в качестве условия, что некоторые люди в обществе достаточно мудры и информированы для того, чтобы в высшей степени успешно содействовать решению проблем и направлять процесс социальных перемен в этом обществе. Так, марксистская мысль «принимает как аксиому абсолютную способность человека верно понимать окружающую его действительность в качестве отправной точки для активных действий по формированию этой действительности»². Один из советских авторов пишет о развитии на основе использования «глобальных расчетов», которые являются «научно обоснованными»³. Напротив, согласно модели-2, «каждый знает, что может ошибиться», как заявлял Джон Стюарт Милль в своем эссе «О свободе». Модель-1 предполагает наличие определенного соответствия между интеллектуальными способностями и сложностью устройства социального мира. Модель-2 утверждает, что все это — сплошное несоответствие⁴.

Теория

Как следствие, в модели-1 предполагается, что интеллектуальные лидеры общества в состоянии разработать всестороннюю теорию общественных изменений, которая позволит управлять развитием общества и направлять его. Теория марксизма, разработанная Лениным (или Мао) и другими деятелями, является аппроксимацией такой теории. Маоисты периодически заявляли, что в интеллектуальном наследии Мао содержится вся необходимая социальная теория⁵. В модели-2 такой синоптической теории не существует. Ученые производят лишь разрозненные частные теории, например, по причинам преступности несовершеннолетних или по моделям голосования. Даже в пределах ограниченной области применения данных теорий они условны, прошли недостаточную проверку и в практическом отношении являются, следовательно, несовершенным источником руководства практическими делами⁶.

Правильное против желаемого

В модели-1 некоторые люди *знают*, как организовать общество, поэтому проверкой общественного института или политики будет демонстрация того, что они верны и правильны. В уставе Коммунистической партии Китая 1969 года заявлено, что партия — «великая, славная и правильная». Отражая официальную идеологию Китая, в одной из передовиц, опубликованных в печати, утверждалось следующее: «Правильность или неправильность идеологии и политической линии решает все»⁷. В модели-2 люди недостаточно компетентны, чтобы знать, что правильно, а что нет, поэтому для проверки они полагаются на собственное волеизъявление, как бы неправильно оно ни было понято. Как часто утверждается по этому поводу, что «основной чертой демократии является постоянное реагирование правительства на запросы и предпочтения граждан...»⁸. Таким образом, нам следует назвать модель-2 моделью общества, управляемого на основе выражаемых предпочтений или волеизъявлений.

Либеральная демократия иногда рассматривается как поиск истины, и, действительно, демократические ценности по целому ряду аспектов — открытости, свободе исследований, приемлемости критики, саморегулированию — соответствуют ценностям научного сообщества⁹. Но если в модели-1 информация, научное исследование, анализ, теория являются убедительными в раскрытии и изучении правильной для общества формы организации, они остаются недостаточными и в рамках модели-2, и в рамках большинства демократических теорий. В каком-то отношении проблемы не поддаются решению научными методами. Тогда проверка правильности общественных институтов заключается в проверке их соответствия тому, что люди считают своими желаниями.

Критерий правильности

В идее того, что решения задач могут быть либо верными, либо неверными, заложен важнейший смысл. По законам логики нельзя сказать, что у кого-либо имеются правильное решение задачи, правильная политика или правильный набор общественных институтов, если не существует критерия правильности. Только в модели-1 предполагается, что такой критерий всегда имеется. Это соответствие института или политики истинным физическим, психологическим и социальным потребностям человека, а их можно узнать.

В конце концов, обе концепции в принципе используют нужды и потребности человека как критерии проверки институтов и политики. Но так как в модели-2 многие нужды и потребности невозможно выяснить вообще или с достаточной степенью достоверности, их не всегда можно использовать для проверки институ-

тов и политики. Вместо этого в качестве наилучшего индикатора потребностей и нужд берутся волеизъявления «народа»*.

Открытие, а не выбор

Таким образом, в модели-1 правильная социальная организация не выбирается, но открывается. Правильный метод социальной организации не является предметом мнений и волеизъявлений или согласования предпочтений и интересов. Это вопрос проверки установленного факта. Существует «единственное правильное решение»¹⁰. В модели-2, в рамках которой такое открытие невозможно, социальную организацию необходимо выбирать. Ее выбирают по воле многих людей. Она — следствие их волеизъявления.

Элиты

Поскольку именно знание, а не воля, управляет обществом в модели-1, интеллектуальная элита является одновременно и политической. Отсюда следует, что политическая партия занимает особое место, как отмечено в предыдущей главе. В СССР «партийное руководство претендует на монопольное право толковать и применять единственную научную теорию общественного развития»¹¹. В Китае понимание общества — в частности, применение марксистской теории и маоистского интеллектуального наследия для диагностики общественных реалий — является прерогативой правильного политического руководства партии¹². В модели-2 такой элиты не существует.

Гармония

Модель-1 постулирует основополагающую гармонию потребностей людей, которые могут быть известны правящей элите, — «предопределенный, гармоничный и совершенный порядок вещей»¹³. В одном из изданий Госплана СССР утверждается: «При условии правильной экономической политики в социалистическом обществе нет и не может быть никаких групп рабочих, материальные интересы которых находятся в противоречии объективно необходимому плано-

---

* Если бы люди выражали предпочтение тому, что в каком-то широком смысле им необходимо, то в обеих моделях правильное и желаемое было бы одинаковым. Но люди в действительности не понимают собственных потребностей, не всегда выражают предпочтение тому, что им необходимо, находятся в заблуждении по поводу своих предпочтений и часто даже меняют местами то, что, по их мнению, является их предпочтением, и то, что на самом деле таковым не является.

вому управлению экономикой...»¹⁴ Мао писал: «Царство Великой Гармонии означает коммунистическое общество»¹⁵. В модели-2, наоборот, предполагается, что гармония потребностей не только непознаваема, а просто не существует.

Принятие гармонии в модели-1 необходимо как принятие критерия проверки правильности решений. Если критерий, как уже отмечено, — потребности человека, то есть если институт или политическая линия правильны, когда служат потребностям человека, и неправильны, если нет, — то этот критерий применим только в том случае, если институт или политика, которые служат интересам одного человека, не противоречат потребностям других людей, или если существует некое гармоничное решение для согласования внешне противоречивых потребностей.

Эти две концепции — концепция гармонии и концепция конфликта — демонстрируют противоречивые представления об обществе, которые на протяжении вот уже по крайней мере двух тысячелетий разделяют людей на разные лагеря: с одной стороны — идеальное общество Платона, Руссо и Гегеля, связанное воедино на базе всеобщего консенсуса; с другой — общество, лишённое конфликта, как его представляли Аристотель, Гоббс и Кант¹⁶.

Дополнение к демократической теории

Одна появившаяся в эпоху Просвещения великая традиция либерально-демократического мышления определяла либеральную демократию, которая является аппроксимацией модели-2, по признаку управления разумом, а не властью, или «управления посредством свободных дискуссий»¹⁷. Затем более молодая западная традиция определяла коммунизм по признакам применения силы, власти и подавления свободных расследований. В нашей характеристике двух моделей мы всего лишь изменили на противоположное традиционное определение либеральной демократии по признаку разума и коммунизма — по признаку неразумного применения власти.

Какого бы мастерства современные коммунистические общества ни достигли в ограничении гражданских дискуссий, коммунистическая доктрина демонстрирует веру в интеллектуальные способности элиты, что резко противоречит той встревоженной озабоченности по поводу вероятной ошибочности всех и всяческих действий, которая характерна для либерально-демократического общества, описанного Миллем. Вера либерал-демократов в разум в историческом отношении впечатляет только по сравнению с ранним традиционализмом и авторитаризмом в науке, религии и политике. По сравнению с верой марксистов и коммунистов в разум она ничтожно мала. Научный социализм Маркса был задуман как научный; этот термин — не просто лозунг.

В поздней концепции «управления посредством свободных дискуссий» демократия менее тесно отождествляется с моделью-2 и более совместима с моделью-1.

Примерно совпав по времени с эпохой Просвещения XVIII века, идея эгалитарной демократии возникла во Франции, и демократ или эгалитарист обычно был также рационалистом, выступавшим против традиционализма, власти и суеверий. Он, вероятно, верил — вследствие своей новой веры в рациональность и науку — в возможность того, что люди могут открыть вселенную, полную гармонии, что человек может прекратить вражду со своими братьями и что разум способен найти «правильные» решения¹⁸.

Эта ранняя вера как в интеллектуальные способности человека, так и в гармонию разрушилась по множеству причин, в том числе под влиянием различных теорий и идей, включая открытия Фрейда об абсурдности человеческого мышления. Кроме того, многие мыслящие люди утратили веру в разумность человеческих поступков, став свидетелями потрясших их исторических событий — таких, как великий террор Французской революции, а также выдвинутые позже требования и последующее кровопролитие Парижской коммуны, «центрального события европейской политической мысли»¹⁹.

Таким образом, некогда устойчивое течение мысли, которое не делало особых различий между демократией и социализмом, разделилось. В одном направлении двинулась либерально-демократическая мысль, нашедшая себе союзника в виде классической экономической теории и все более скептически отзывающаяся о способности человека менять мир, в котором он живет. Как следствие, она обратила свое внимание на институты, которые могли бы призвать к ответственности лидеров, способных ошибаться в своей руководящей деятельности, но не давали бы им полномочий для создания «правильного» эгалитарного мира. По другой дороге пошло коммунистическое движение, вооруженное теорией марксизма, подталкиваемое к созданию институтов, которые не требуют ответственности политических лидеров перед подавляемым электоратом, но дают им полномочия создавать по «правильному» проекту эгалитарный мир²⁰.

Социальное взаимодействие в модели-2 как альтернатива анализу

Если методом анализа нельзя найти правильные решения, как тогда разрабатывать институты и политические стратегии? Иногда наугад, опытным путем, с применением эмпирических правил или другими подобными способами. Однако более значимый ответ таков: с помощью социальных процессов или взаимодействий, которые заменяют умозрительный анализ*.

---

* То есть с помощью социального взаимодействия, отличного от чисто интеллектуального взаимодействия среди членов группы, занятой поиском правильных политических решений, которое также является формой социального взаимодействия.

Допустим, маленькое сообщество, состоящее из трех человек, хочет решить, в какой ресторан пойти пообедать. По модели-1 они бы исследовали вопрос исходя из того, что существует одно правильное решение, которое можно найти, проведя анализ. По модели-2 они бы поискали какой-либо процесс или взаимодействие, которое бы сделало анализ ненужным. Вероятно, они бы проголосовали или договорились применить какое-либо правило выбора, например такое: пойти в первый ресторан, который им встретится, когда все трое отправятся на прогулку. Кроме того, они могли бы найти решение в ходе переговоров, дав возможность каждому привести свои доводы или иным способом оказать воздействие на остальных.

Теперь допустим, что большое сообщество хочет решить, как распределять свои ресурсы. По модели-1 элита этого общества изучила бы данный вопрос в попытке найти правильные решения. Экономическое планирование в разнообразных коммунистических системах — наглядный тому пример. По модели-2 это общество создаст процесс взаимодействия, который сделает ненужным диагностическое исследование — наглядным примером являются процессы рыночной экономики. Или допустим, что общество хочет решить, стимулировать или ограничивать дальнейшую разработку ядерного топлива для развития электроэнергетики. По типу модели-1 элита может провести исследования по данному вопросу, чтобы найти правильный ответ. По типу модели-2 общество может разрешить вопрос с помощью какого-либо интерактивного процесса, в котором изъявят свою волю и выразят свои мнения, хорошо или плохо обдуманные, как это сделали жители штата Калифорния во время референдума 1976 года. Предположим, группа чиновников хочет регулировать рост заработной платы с целью предотвращения инфляции. По правилам модели-1 они могут исследовать вопрос и попытаться найти правильное решение. По правилам модели-2 они могут учредить трехстороннюю комиссию, в которую войдут представители рабочих, директоров и общественности, и дать этой комиссии разрешить вопрос в ходе переговоров — как неоднократно делали Соединенные Штаты, чтобы справиться с инфляцией в военное время. При решении всех этих проблем альтернативами являются анализ и практическая «выработка» решения.

Решение проблем правительством является политическим, а не аналитическим, и определяется в процессе борьбы за власть между противостоящими заинтересованными сторонами, а не путем беспристрастного изучения предмета, настолько, насколько взаимодействия в правительстве заменяют собой анализ проблемы; так же, впрочем, как и в модели-1, здесь время от времени возможны действия, которые большинство людей назовут совершенно нерациональными*.

* Примером решения задачи на основе использования социальных взаимодействий вместо анализа может быть международный политический строй. Международный политический строй создается — когда создается вообще — без руководства какой-либо всеведущей элиты, на самом деле даже без участия какого-либо централизованного органа власти. Каждый крупный и важный участник, участвующий в создании «общественного строя» международного сообщества, нацелен на достиже-

Опираясь на анализ вместо взаимодействий, модель-1 имеет простую политическую систему. Она представляет собой немногим больше обычной правительственной организации — в терминах марксистской доктрины это «управление вещами». В каком-то смысле в модели-1 нет никакой политики. Марксистская теория подчеркивает это в своей доктрине отмирания государства²¹.

Теперь объединим политические стратегии решения задач, системы рыночных отношений и все другие заменители аналитического метода решения в одном термине — «взаимодействия». Затем мы можем исследовать определенные их аспекты, что позволит оценить потенциал методов, представляющих альтернативу анализу, в области решения задач.

Взаимодействия являются заменой анализу в том смысле, что они образуют процесс, который позволяет выработать решение в таких обстоятельствах, когда по какой-то причине оно не выработано или не может быть выработано исключительно средствами анализа. Все основополагающие политико-экономические институты полиархических структур с рыночной экономикой являются взаимодействиями, заменяющими собой применение анализа в качестве исключительного метода выработки решений: таковы частная собственность, конституционное правление, полиархия, рыночная экономика, а также более частные процессы взаимодействия — такие, как трехсторонние комиссии, комитеты, законодательные органы, суды, — и более масштабные процессы — такие, как группы интересов, политические структуры и стратегии партий. Если, с одной точки зрения, все они являются механизмами общественного управления, то с точки зрения получения дополнительной выгоды они все выполняют также функции вычислительных механизмов для данного общества. Они представляют собой процессы и процедуры, с помощью которых принимаются решения без проведения диагностических исследований в поисках правильных решений, как в модели-1.

Очевидно, социальные взаимодействия можно найти во всех современных обществах. Но в модели-1 взаимодействия предназначены только для обеспечения выполнения решений элиты. Они не являются процессами решения проблем, которые могли бы заменить собой анализ. Например, принимаемые в результате обсуждения коллективные договоры между руководством предприятия и работниками в СССР являются «официальными декларациями о том, как две стороны будут объединять свои силы для достижения целей, поставленных перед ними обоими вышестоящими органами»²². В модели-1 взаимодействия, направленные на решение задач, подавляются как возможный источник дезорганизации и беспорядков.

ние своих собственных частных целей, и поэтому заинтересован в том, какой международный политический строй будет создан в результате всех взаимодействий участников между собой, а не в том, какой продукт произведет некий интернационально настроенный проектирующий орган или комитет. О различных вариантах международной модели-2 см.: Morton A. Kaplan. «Some Problems of International Systems Research» // «International Political Communities» (New York: Doubleday, 1966).

Как мы увидим в одной из следующих глав, коммунистический антагонизм по отношению к рыночным взаимодействиям, даже при суверенитете самих планирующих структур, в большой степени возникает из-за опасений по поводу того, что взаимодействия между директорами предприятий под предлогом выполнения пожеланий планировщика постепенно превратятся во взаимодействия по решению политических задач. Коммунистические общества в целом демонстрируют обеспокоенность тем, что взаимодействия, которых, конечно же, много во всех системах, возьмут на себя какие-либо еще функции, кроме простого выполнения поставленных задач.

В рамках модели-2 не предполагается, что результатом взаимодействий станет выработка идеальных, совершенных решений поставленных задач. Предполагается только, что решения, выработанные в результате взаимодействий, будут лучше и значимей, чем попытки решений, предпринятых исключительно интеллектуальными силами общества. На деле любое из решений может оказаться бедствием. Глядя на «решение» проблемы того, каким должно быть распределение доходов в США (это распределение является продуктом рыночных взаимодействий, а также взаимодействий в рамках правительственных структур, но не специально разработанной интеллектуальной схемой), сторонникам модели-2 пришлось бы признать, что с точки зрения многих «проблема» так и осталась неразрешенной. Хотя, возможно, они бы поверили в то, что проблема «решена» — пусть плохо, но все-таки лучше, чем если бы ее «решали» посредством фронтальной интеллектуальной атаки, что, по их мнению, было бы некомпетентно*.

Высоко ценимые механизмы

Если общество в решении проблем в большой степени зависит от социальных взаимодействий, а не от интеллектуальных возможностей, оно будет высоко ценить — как конечный результат — определенные ключевые модели взаимодействий. Например, то, что решение принимается по принципу большинства, будет более важным, чем то, что оно оправдано в любом другом отношении. Справедливый и беспристрастный суд будет цениться более высоко, чем правильное установление виновности или невиновности. Хорошим оправданием для плохой по-

---

* Контраст между этими двумя моделями хорошо организованного общества дополнительно проливает свет на вопрос, который мы рассматривали в одной из предыдущих частей: почему полиархия развивается только в условиях рыночной экономики. Если рассматривать человека как создание с ограниченными познавательными способностями в организации своего общества и решении своих проблем; замена практически неосуществимого анализа взаимодействиями, направленными на решение задач, помогает объяснить и возникновение интерактивных процессов государственного управления, которые называются демократией или полиархией, и многогранное изобилие взаимодействий, которое называется рыночной экономикой. Достаточная вера в науку и разум делает и то, и другое ненужным. При отсутствии такой веры многие люди посчитают необходимыми оба механизма.

литики послужит то, что она является результатом процесса, в котором каждый из участников смог высказаться.

Многие взаимодействия рассматриваются, в частности, как средство предохранения людей, которым свойственно ошибаться, от их же собственных ошибок в создании организаций и разработке политики. Гражданские свободы, например, ценятся в большей степени не за то, что позволяют человеку разрабатывать более совершенные институты и политику, а за то, что дают возможность не соглашаться с чужим мнением, иметь и выражать сомнения, критиковать. Еще один высоко ценимый механизм — система сдержек и противовесов, которая не позволяет ни одной из ветвей власти — законодательной, исполнительной и судебной — действовать до тех пор, пока другие не санкционируют это действие.

В традиционной либерально-демократической теории акцент на механизмы, подобные этим, отражает заботу о свободе личности и общественном контроле. Не входя в противоречие с традиционным мнением, мы со своей точки зрения добавим, что акцент на процедуры в модели-2 также отражает стремление сохранять взаимодействия, направленные на решение задач, как альтернативу процедуре анализа. В отличие от этого в модели-1 ни один из этих механизмов не нужен — и действительно, в коммунистических обществах они в значительной степени отсутствуют.

Конфликтные взаимодействия

В модели-2 многие взаимодействия предназначены для того, чтобы создавать конфликт (а затем разрешать его): разделение функций власти, создание трехсторонних комиссий, отвод парламентом премьер-министра и прочее в том же духе. При этом конфликт, в отличие от модели-1 и коммунистических обществ, скорее позитивно используется, чем подавляется. «В столкновении доктрин заключается не катастрофа, а шанс»²³. Энергия конфликта привлекается для того, чтобы подвергнуть внимательному рассмотрению потенциально ошибочные институты и политические решения. Конфликт также используется для того, чтобы стимулировать анализ, объем и качество которого всегда недостаточны. Суды, которые должны функционировать как исследовательские институты по разрешению представленных на их рассмотрение дел, для этого не предназначены. Вместо этого происходит стимуляция конфликта через состязательную систему судебного процесса. Изначально предполагается, что конфликт послужит более полному раскрытию фактов. Общественные слушания по наиболее значимым вопросам государственной политики иногда специально предназначены для того, чтобы стимулировать — по тем же причинам и с теми же целями — пропаганду и защиту узкопартийных интересов. И такой конфликт, который приводит не к простому компромиссу сторон, а к пересмотру различий и новой «интеграции», ценится особенно высоко²⁴.

Процесс и результат

Особый акцент, который в модели-2 делается на взаимодействиях, защищенных процедурах и полезном конфликте, приводит к тому, что в рамках модели высоко ценится непосредственно процесс разрешения проблемы — то есть сам процесс в той же степени, что и его результат. Отсюда тема, почти всегда актуальная в демократической теории: граждане как непосредственные творцы и участники достижений. Мы уже видели этот компонент демократического мышления в доводах Милля: демократия вносит свой вклад в «образование ума и чувств и в развитие практической деятельности и эффективности»²⁵ гражданина. Это отличается от взгляда на демократию как на систему удовлетворения потребностей, в которой человек рассматривается исключительно как благоприобретатель²⁶. Обе концепции объединены в структуре взаимодействий модели-2.

Эпифеноменальные «решения»*

Через процессы взаимодействия модели-2 общество обычно имеет дело с проблемами, не включенными в «повестку дня» ни одного из участников какого-либо взаимодействия. Некоторые из этих проблем не осознаются должным образом. Сравним, например, процесс голосования и процесс покупки как процессы взаимодействия. Голосование ставит выбор какого-либо должностного лица в «повестку дня» каждого избирателя. Избиратель осознает проблему и обдуманно ее решает. Процесс покупки отдает распределение ресурсов в руки каждого покупателя. Но последний может и не знать об этом. Ему необязательно знать, что совершаемые им покупки влияют на распределение ресурсов, и, конечно, он совершенно не должен чувствовать себя обязанным всесторонне обдумывать распределение ресурсов перед тем, как решить, что же покупать. Его участие в социальном взаимодействии, целью которого является решение задачи распределения ресурсов, оказывается побочным продуктом или эпифеноменом его собственного процесса решения личных задач.

Точно так же проект городской застройки может сложиться как побочный продукт — то есть как эпифеномен — индивидуальных решений жителей по использованию своих земельных участков. В модели-2 многие люди будут иногда уходить от предложений решить определенные проблемы посредством преднамеренного или интеллектуально управляемого выбора. Они предпочтут побочное решение. Примером является распределение новорожденных по полу. Некоторые люди хотят, чтобы «решение» в данном вопросе возникало исключи-

* Под «эпифеноменом» здесь имеется в виду побочный продукт. В философии мышления этот термин имеет особое значение — это феномен, не имеющий причинно-обусловленной действительности. Данного значения мы здесь не подразумеваем.

тельно эпифеноменально. Они также, вероятно, постараются уклониться от непосредственного анализа политики по проблеме эвтаназии, предпочитая, чтобы решение о смерти неизлечимо больных всякий раз являлось побочным (эпифеноменальным) результатом обычных медицинских процедур. Другой пример: в модели-1 нужно быть готовым пережить тяготы и неудобства социальных перемен, кроме того, их нужно оценить и распределить. В модели-2 деликатный вопрос о том, кто должен оплачивать издержки социальных перемен, зачастую решается эпифеноменально, посредством всех взаимодействий, происходящих в рамках рыночной системы, которые, как мы видели, позволяют сторонникам перемен перенести издержки изменений на других — на рабочих, чьи трудовые навыки и специализация теряют актуальность, или на город, где закрывается устаревший завод.

В обеих моделях общества эпифеномены существуют. Разница состоит в том, что в модели-1 они считаются или причинами проблем и неполадок, или нейтральными по отношению к процессу решения проблем явлениями, но в модели-2 они часто рассматриваются как решения этих самых проблем.

Взаимное приспособление и плюрализм

Во многих аспектах разнообразие взаимного приспособления — особенно та крайняя степень разнообразия, до которой доходят под предлогом плюрализма, — бросается в глаза в обществах, относящихся к модели-2. Рассуждая логически, замена анализа социальными взаимодействиями еще не означает плюрализма. Если бы, например, все государственные решения принимались путем проведения переговоров или голосования среди полудюжины олигархов, мы бы не назвали такую систему плюралистичной. Но так как в действительности основным и важнейшим инструментом для замены анализа системой взаимодействий является рынок, системы модели-2 уже только в этом отношении в определенной степени плюралистичны. Процесс принятия решений децентрализован и передан тысячам корпоративных лидеров и других ведущих представителей бизнеса. Кроме того, плюралистичен процесс принятия решений правительством.

Эти меры дают возможность широкому ряду участников процессов взаимодействий заниматься осуществлением своих личных или групповых целей, а не единственной всеобъемлющей цели национального масштаба или нескольких таких целей. Они не принуждают к пренебрежению более всеобъемлющими коллективными целями, но допускают его. Это вполне принято в рамках либерально-демократических устремлений и в практике полиархических систем, но является ярким противоречием с практикой централизованного утверждения коллективных целей для всех участников в рамках модели-1. «Как дирижер оркестра следит за тем, чтобы все инструменты звучали гармонично и соразмерно, точно так же и партия в социальной и политической жизни направляет усилия всех людей на дос-

тижение одной-единственной цели»²⁷. Это сказал Хрущев. По выражению Мао, коммунисты «должны усвоить принцип подчинения потребностей части потребностям общего целого»²⁸.

Плюрализм в модели-2 предполагает и культурное разнообразие, неприемлемое в рамках модели-1, в которой какая-либо из элит формулирует и отвечает на общие нужды и потребности всех людей, считая их всех похожими друг на друга. Модель-1 признает различия между личностями по возрасту, полу, умственному развитию, силе и ряду специальных навыков. Помимо этого, однако, считается, что расовые, религиозные, этнические и другие индивидуальные различия между людьми — всего лишь случайные культурно-личностные вариации из прошлого, в котором общества различались между собой очень сильно, потому что они не были интеллектуально управляемыми. Говоря на «коммунистическом» языке, люди неразличимы как «массы». Институты и политика приспособляются к тому, что является всеобщим для всего человечества. Групповые и индивидуальные различия имеют тенденцию к исчезновению. Появляется «новый человек», как утверждали в отношении своих собственных обществ Куба, Советский Союз и Китай²⁹.

В модели-2 групповое и индивидуальное разнообразие оценивается положительно. Либеральная теория особенно подчеркивает этот аспект. В модели-2 в явном виде признается, что различия между отдельными личностями и группами важны для существующего строя. Люди связаны друг с другом «органической солидарностью» Дюркгейма, различиями, которые делают их зависимыми друг от друга³⁰. Общество одинаковых людей невозможно себе представить. Если бы все французы были похожи друг на друга, все бы они хотели жить в Париже — или ни один этого бы не хотел. В модели-2 различия в предпочтениях дают людям возможность не мешать друг другу добиваться своего и поступать по-своему, а также делают возможным разделение труда.

Анализ в процессах взаимодействия

Адаптация анализа к процессам взаимодействия

В модели-2 взаимодействия никогда полностью не заменяют собой анализ. Но анализ адаптируется к взаимодействиям, направленным на решение задач. При том, что элиты в чистой модели-1 будут пытаться анализировать такой фундаментальный вопрос, как: «Что является наилучшим для общества?» — участник взаимодействия в рамках модели-2 попытается проанализировать различные менее сложные вопросы, ответы на которые ему нужны, чтобы выполнять свои функции во взаимодействии. В простых случаях покупатель анализирует возможные варианты покупки. Если покупателем является коммерческое предприятие,

оно может позволить себе перед тем, как сделать покупку, потратить значительные средства на анализ продукции. Или же комитет конгресса, группа интересов или политическая партия могут создать службу по проведению исследований, чтобы содействовать в поиске решения, преследуя при этом конкретные цели в политическом взаимодействии. В одной из последующих глав, посвященной разработке политики и планированию (глава 23), будет изучено различие между этими двумя видами анализа.

Ценность анализа и инициативы

Парадоксально, но в рамках модели-2 мысль, интеллект или анализ ценится выше, чем в модели-1. Она признает, что анализ сложен, дефицитен и проводится на недостаточно высоком профессиональном уровне. Это подрывает веру в то, что человек способен решать социальные проблемы, пользуясь своим интеллектом для разработки политических решений и создания общественных институтов, но и заставляет людей высоко ценить те возможности для проведения анализа, которыми располагает общество, — подобно человеку в пустыне, который высоко ценит тень любого дерева, которое ему удастся найти. Поэтому в модели-2 исследования, мышление и наука высоко ценятся. Также поощряются инициативы в области решения задач. Стимулы к решению задач широко рассредоточены на различных уровнях: участие во взаимодействиях открыто во всех возможных аспектах. Сторонники модели-2 считают невозможным пытаться постичь будущее настолько, чтобы планировать его. Они будут, соответственно, поощрять расставленные широким фронтом «боевые порядки» заниматься решением наиболее неотложных проблем, проявляя изобретательность в работе с тем, что поддается охвату.

Не сомневаясь в соразмерности и адекватности интеллекта и теории, модель-1 не обеспечивает одинаковой защиты научных исследований, практических исследований, общественного обсуждения и широкой инициативы.

* * *

Надо помнить, что и модель-1, и модель-2 являются моделями гуманистического общества. Рискую повториться, отметим: важно полностью признать, что концепция коммунистических систем как аппроксимации идеала гуманистического общества включает в себя базовый аспект коммунизма, какими бы несовершенными воплощениями этой концепции не являлись коммунистические общества. Мыслящему либеральному демократу тяжело, читая Ленина или Мао, не отдавать себе отчета в том, какое тесное родство духа наблюдается между ним и этими мыслителями по ряду позиций. То, что именно они отдавали приказы, со-

гласно которым тысячи, даже миллионы людей лишались свободы и жизни, является не более абсолютным отрицанием их гуманности, чем массированные бомбардировки гражданского населения Германии во время Второй мировой войны, не говоря уже об атомных бомбах, сброшенных на Японию, и о разрушении Вьетнама, — отрицанием гуманности американских политических лидеров. Пусть мы проводим различия между двумя данными моделями и этическими системами, но в обоих лагерях общественно-политические деятели уверены, что убивают из гуманных соображений. Более того, оптимистично оценивая собственные способности понимания общества как достаточные для того, чтобы это общество пережить, коммунистические лидеры отдают дань уважения наследию эпохи Просвещения, даже если одновременно подавляют свободу слова и другие гражданские свободы.

Если полиархические системы являются аппроксимациями модели-2, в них мы, тем не менее, обнаруживаем амбиции научного решения задач и проблем по образцу модели-1. В рядах наиболее рьяно настроенных исследователей процессов деятельности, системных аналитиков и планировщиков окажутся, как мы позже увидим, двоюродные братья научных социалистов-марксистов с элитарной верой в силу и правомочность разума у всех, кто стоит во главе этого ряда. По словам бывшего министра обороны США Роберта Макнамары, «...настоящая угроза демократии исходит не от излишне сильного, а от недостаточно сильного руководства. Слабость управления... — это просто предоставление возможности формировать реальность иным, помимо разума, силам... Жизненно необходимый процесс принятия решений... должен оставаться наверху»³¹. По концепции устройства мира модели-1, для этого и существуют верхи.